

УДК 141

В.А. Усольцев

Уральский государственный лесотехнический университет, г. Екатеринбург

ВЗАИМОПОМОЩЬ И БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ В ПРИРОДЕ И ОБЩЕСТВЕ В ПРИЛОЖЕНИИ К СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ РЕАЛИЯМ

Ключевые слова: *борьба за существование, взаимная помощь, дуализм, критика дарвинизма, антидарвинизм, конкуренция и кооперация, срастание корней деревьев, происхождение альтруизма, история общины, аграрный социализм, христианский социализм, качественная модель государственного управления.*

Рассмотрены понятия взаимопомощи и борьбы за существование в обществе и природе в приложении к современным российским реалиям, история противостояния дарвинистов и антидарвинистов, дуализм как свидетельство сходства структур мироздания, обсуждаются перспективы социальной организации российского общества.

V.A. Usoltsev

MUTUAL AID AND THE STRUGGLE FOR EXISTENCE IN NATURE AND SOCIETY AS RELATED TO THE CONTEMPORARY RUSSIAN REALITIES

Key words: *the struggle for existence, mutual assistance, dualism, criticism of Darwinism, anti-Darwinism, competition and cooperation, tree root grafting, the origin of altruism, agrarian socialism, Christian socialism, qualitative model of Russian social community.*

The notion of mutual aid and the struggle for existence in society and nature as related to the contemporary Russian realities, the history of confrontation between darwinists and anti-darwinists, dualism as evidence of the similarity of the universe structures are shown, the prospects of social organization of the Russian society are discussed.

Я питаю глубокое убеждение, что когда-нибудь, хотя бы в отдаленной будущности, наступит время, когда все люди будут считать себя братьями и когда кровавые столкновения между народами и племенами заменятся мирными состязаниями между ними в областях промышленности и науки.

К.Ф. Кесслер, 1880.

Передо мной лежат две публикации: одна Петра Кропоткина «Взаимная помощь как фактор эволюции» (1907), другая - Якова Галла «Борьба за существование как фактор эволюции» (1976). Возникает так называемый «когнитивный диссонанс», хотя, с другой стороны, тут очевидное проявление одного из законов диалектики, как и дуализм природы света (волновая и корпускулярная теории), дуализм человеческого общества (бесконечные войны и сосуществование государств), дуализм человека (причудливое сочетание доброты и порока). (В отношении последнего есть два резко диаметральных суждения двух великих людей: если всемирно известный русский учёный Владимир Бехтерев (1918) писал о вечности каждой человеческой личности как в будущих, так и в прошедших временах, и утверждал, что человеческая личность есть «продукт всего того, что она восприняла из прошлой общечеловеческой культуры путём преемственности и унаследования», то не менее известный Леонардо да Винчи (The notebooks of Leonardo da Vinci, 1970) считал, что «некоторые люди должны называться не иначе как проходами для пищи, производителями дерьма и наполнителями нужни-

ков, потому что от них в мире ничего другого не видно, ничего хорошего ими не совершается»). А согласно квантовой теории, «настоящему колдовскому исчислению», по А. Эйнштейну, суть которого в популярной форме изложена Э. Шредингером в так называемой «проблеме кота», этот кот находится в совершенно жутком состоянии, где он на 50% жив и на 50% мёртв (Каку, 2008).

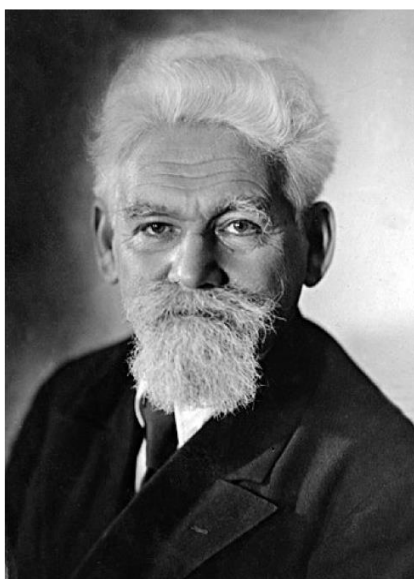
Являются ли подобные примеры дуализма свидетельством сходства структур всего мироздания? Что их объединяет? Вот что писал по этому поводу Пётр Кропоткин: «Если мы знаем что-либо о Вселенной, о ее прошлом существовании и о законах ее развития; если мы в состоянии определить отношения, которые существуют, скажем, между расстояниями, отделяющими нас от Млечного Пути и от движений солнц, а также молекул, вибрирующих в этом пространстве; если, одним словом, наука о Вселенной возможна, это значит, что между этой Вселенной и нашим мозгом, нашей нервной системой и нашим организмом вообще существует сходство структуры» (Кропоткин, 1920).

Князь Пётр Алексеевич Кропоткин (1842—1921).

В этой связи академик Л.С. Берг (1922) высказался следующим образом: «Исследователь в процессе своей работы должен придерживаться метода, выработанного еще древними скептиками: каждому положению (тезису) о природе вещей противопоставлять положение противоположного содержания (антитезис). И только беспристрастное обсуждение тезиса и антитезиса может дать правильное решение вопроса. (Скептики, впрочем, утверждали, что ни тезис, ни антитезис не обладают никакими преимуществами в смысле достоверности). Но сплошь и рядом исследователь бывает так увлечен своей гипотезой, что не хочет видеть «антитезиса», и опровергать или поправлять его приходится другому. Это и случилось в значительной степени с учением о борьбе за существование, всеобщая приложимость которого оспаривалась двумя русскими учеными К.Ф. Кесслером и П.А. Кропоткиным, выставившими противоположный принцип – взаимной помощи».

чилось в значительной степени с учением о борьбе за существование, всеобщая приложимость которого оспаривалась двумя русскими учеными К.Ф. Кесслером и П.А. Кропоткиным, выставившими противоположный принцип – взаимной помощи».

Лев Семёнович Берг (1876—1950).

К числу первых наиболее серьёзных критиков дарвинизма кроме названных двух имён будет вполне справедливым добавить эмбриолога и анатома, одного из основателей Русского географического общества К.М. Бэра, немецкого ботаника Альберта Виганда и русского публициста, социолога, идеолога панславизма Н.Я. Данилевского. По мнению А.А. Позднякова, если дарвиновскую линию можно рассматривать как чужеродную для русской культуры, то линию Бэра следует интерпретировать как собственный русский вариант эволюционной теории. Правда, основной труд К.М. Бэра с критикой дарвинизма (Baer, 1876) до сих пор не переведен на русский язык (Поздняков, 2016).

Главная методологическая причина несостоятельности дарвинизма, по А. Виганду (Wigand, 1874-1877), состоит в уклонении Дарвина от требований позитивной

науки, которым следовали Ньютон и Кювье. В трех книгах Виганда последовательно рассмотрены предпосылки, основные положения теории Дарвина и ее следствия, которым противопоставлена вся совокупность существовавших в то время контраргументов (Назаров, 2005).

Н.Я. Данилевский в своем трехтомном труде «Дарвинизм. Критическое исследование» (1885) выступает последователем К.М. Бэра и А. Виганда, но его анализ, выполненный в естественнонаучном и философском плане, отличается большей глубиной анализа, объективностью, остроумием и оригинальностью мысли, а труд в целом выглядит более капитальным. По мнению В.И. Назарова (2005), научный уровень исследования Н.Я. Данилевского позволяет заключить, что при перечислении самых трудно опровержимых возражений дарвинизму необходимо придерживаться, в первую очередь, его исследования, которое достойно двух главных эволюционных трудов Дарвина, а, возможно, в ряде моментов их превосходит.

Н.Я. Данилевский проанализировал все возражения, высказанные против дарвинизма за предшествующую четверть века, и изложил свои взгляды на эволюцию форм живого мира. В основе представлений Н.Я. Данилевского лежала идея разумности мира, из которой следует целесообразность устройства живых существ. Из положения о целостности и гармоничности устройства организмов Н.Я. Данилевский сделал вывод о том, что происхождение новых форм возможно не путем постепенных малозаметных изменений, а посредством резких скачкообразных переходов. Такие изменения обусловлены не внешними причинами, а внутренним принципом (Поздняков, 2016).

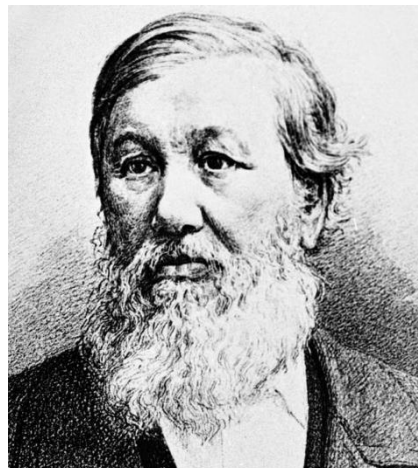
По оценке Н.Я. Данилевского, Дарвин создал неэстетичное, «ужасное учение, ужасом своим превосходящее все воображимое ... Никакая форма грубейшего материализма не опускалась до такого низменного мировоззрения. ... Каким жалким, мизерным представляется мир и мы сами, в коих вся стройность, вся гармония, весь порядок, вся разумность являются лишь частным случаем бессмысленного и нелепого; всякая красота – случайной частью безобразия; всякое добро – прямою непоследовательностью во всеобщей борьбе, и Космос – только случайным частным исключением из бродящего Хаоса». Наше счастье, что мир, в котором мы живем, не имеет ничего общего с изобретенным Дарвином. Позиция Данилевского во многом близка современной позитивной модели эволюции (Назаров, 2005).

Карл Максимович (Карл Эрнст фон) Бэр (1792—1876)

Альберт Виганд (1821–1886)

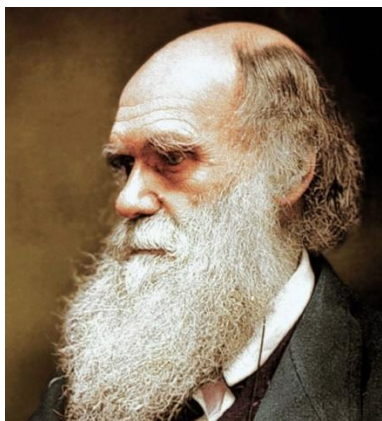

Николай Яковлевич Данилевский (1822—1885).

Сторонник идей Н.Я. Данилевского, русский философ-почвенник XIX века Н.Н. Страхов (1889) писал: «Об этой книге нужно кричать на площадях и проповедовать с крыш. Это явление необыкновенное, далеко выходящее из ряда, один из подвигов русского ума. Перед нами не только полное, но и всестороннее и окончательное опровержение дарвинизма. Тому, кто со вниманием прочтет книгу Н.Я. Данилевского, будет

совершенно ясно, что собственно дарвинизм не содержит в себе ни зерна истины, не имеет никакой состоятельности. Многим это будет ужасно странно слышать, между тем тут не может быть никакого сомнения».

Соотношение понятий Добра и Зла занимает умы людей с библейских времён. Это противостояние понятий из области нравственности постепенно переключивалось в область науки. В 1798 году появляется исследование Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения» (Malthus, 1798), где он показал, что численность населения растёт в геометрической, а ресурсы жизнеобеспечения – лишь в арифметической прогрессии, что означает неизбежность перенаселения и соответственно - «борьбы всех против каждого». Появление в 1859 году книги Ч. Дарвина «О происхождении видов» (Darwin, 1859) спровоцировало бесконечную череду бескомпромиссных дискуссий, продолжающихся по сей день, поскольку соотношение понятий взаимопомощи и борьбы за существование (а в более широком смысле – Добра и Зла) затрагивает основы всей организации человеческого сообщества.

Чарлз Роберт Дарвин (1809 —1882).

В естественных науках основные баталии развернулись в области эволюционной теории. В дарвинизме главной закономерностью эволюционного процесса была концепция естественного отбора, включающего процесс борьбы за существование. Последовали дискуссии о разных формах борьбы: конституциональной, внутри- и межвидовой, борьбы с внешними факторами, борьбы активной и пассивной, прямой и косвенной, групповой и индивидуальной, межярусной и межфитоценозной, борьбы между сообществами и формациями, - а также о соотношении борьбы за существование и естественного отбора, конкуренции и элиминации. Получили распространение идеи так называемых социал-дарвинистов, приверженцев Мальтуса и Дарвина, перенесших учение о борьбе за существование на человеческое общество (Галл, 1976).

Между тем сам Ч. Дарвин писал (1927): «Так как человек не может обладать добродетелями, необходимыми для блага племени, без самоотвержения, самообладания и умения терпеть, то эти качества во все времена ценились высоко и вполне справедливо. ...Никакое общество не ужилося бы вместе, если б убийство, грабеж, измена и т. д. были распространены между его членами; вот почему эти преступления в пределах своего племени клеймятся вечным позором, но не возбуждают подобных чувств за его пределами». Примерно об этом упоминает и П.А. Кропоткин (1922а): «Дарвин уже полвека тому назад вкратце указал на значение взаимной помощи для сохранения и прогрессивного развития животных. Но кто же с тех пор разработал его мысль? Её просто постарались забыть» (с. 286).

Дарвинизм получает политическую окраску, когда сомневающимся или имеющим альтернативное мнение прямо относили в категорию «врагов», причём этот приём стал применяться задолго до большевистского переворота. Показательна в этом плане позиция К.А. Тимирязева (1887) как последовательного поклонника Ч. Дарвина. Он утверждал в статье «Опровергнут ли дарвинизм», что книга Н.Я. Данилевского «Дарвинизм» не является научной, и тем самым было положено начало применению в дискуссии такого полемического приема, как обвинение сторонников недарвиновских концепций в «ненаучности» их представлений (Поздняков, 2016).

По поводу упомянутой статьи Тимирязева А.С. Фаминцын (1889) отметил, что она «переполнена глумлением и упреками в самодовольной уверенности, в мелкой, изворотливой софистике, способности возражать против очевидности, в запальчивом не-

домыслии, в уловках, свойственных лишь неразборчивым на средства адвокатам». А сторонник Н.Я. Данилевского Н.Н. Страхов (1887) добавил, что стиль и содержание статьи обусловлены западничеством мировоззрением К.А. Тимирязева, для которого первым вопросом, способным прояснить ценность книги Н.Я. Данилевского, является проблема согласования ее содержания с общим направлением европейской мысли (Поздняков, 2016). К.А. Тимирязев ответил Н.Н. Страхову очередной статьей с характерным броским названием: «Бессильная злоба антидарвиниста» (1889), для которой характерен воинствующий эмоциональный стиль и цель которой – не разобраться, где правда и где ложь, а победить врагов, которыми К.А. Тимирязев считал антидарвинистов (Поздняков, 2016).

Николай Николаевич Страхов
(1828-1896)

Андрей Сергеевич Фаминцын (1835-
1918)

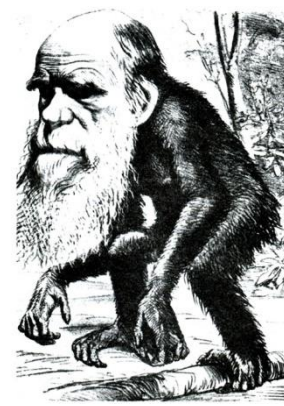
Впрочем, и противники дарвинизма в те времена не отличались корректностью, доходя до злобных оскорблений Ч. Дарвина (Констэбл, 1978).

На карикатуре, напечатанной венским журналом Kikeriki в 1882 году, обезьяны оплакивают кончину своего благодетеля Чарльза Дарвина. «Дарвина больше нет, - причитают обезьяны. Кто же теперь будет защищать наше дело?».

Дарвин приглашает обезьяну прыгнуть через обруч. Подпись гласит: «Мудрый отец узнает своего сына».

Злобный шарж на Дарвина, помещенный в Hornet в 1871 году, изображает его в виде «достопочтенного орангутана», внесшего немалый вклад в «противоестественную историю».

Противостояние продолжается. Вот что пишет уже в наши дни О.Э. Костерин (2007): «На сегодняшний день дарвинизму противостоит лишь допущение участия в наблюдаемой (а не гипотетической) эволюции сверхъестественных сил. В этом смысле современный дарвинизм по сути тождественен научному подходу в биологии и не нуждается в формализации в виде особой системы постулатов, являясь отправной точкой любого биологического исследования по умолчанию» (с. 416).

А вот что в наши же дни пишет по поводу дарвинизма Р.К. Баландин (2010): «Это учение провозглашено истиной в последней инстанции. Эту теорию нам вдалбливают в головы со школьной скамьи. Любая попытка усомниться в правоте Чарльза Дарвина грозит отлучением от «научного сообщества». За дарвинизм стоят горой сторонники, казалось бы, непримиримых идеологий – и революционеры, и либералы, и консерваторы. Почему? Потому что Дарвин открыл основополагающие основы жизни и прозрел подлинную природу эволюции? Или оттого, что его доктрина служит универсальным оправданием Зла? Даёт ли дарвинизм ответы на главные вопросы бытия? Способен ли слепой естественный отбор и беспощадная борьба за существование создать всё великолепие земной жизни? Разгадал ли Дарвин тайну происхождения человека? Или создал всего лишь грубую модель, навязанную всему миру его воинствующими последователями-атеистами, преследовавшими не научные, а политические цели?» (с. 4).

Обсуждение дарвинизма в области эволюционной теории выливалось всегда в острые дискуссии. Некоторые считали борьбу за существование фактором не прогрессивным, а исключительно консервативным (Mivart, 1871; Cuénot, 1901). Вот что писал академик Л.С. Берг в 1922 году: «Борьба за существование вовсе не ведет к прогрессу форм; напротив того, она есть фактор консервативный, удерживающий форму на раз достигнутой ступени развития. Она сохраняет норму, отсекая все крайние отклонения. Борьба за существование одинаково препятствует как регрессу, так и прогрессу. Сама по себе она – фактор нейтральный, который при участии человеческого разума может быть использован в любом направлении: и в сторону прогресса, и в сторону регресса» (Берг, 1922).

В соответствии с поставленной в названии статьи целью и эпиграфом к ней, остановимся на более радикальных, альтернативных воззрениях, основанных на понятии взаимной помощи, в то же время, не исключающих основных положений Дарвина.

Высоко ценя роль эволюционной теории Дарвина, один из крупных русских биологов второй половины XIX столетия, зоолог-фаунист К.Ф. Кесслер (1880) расходился с ним в оценке роли борьбы за существование в процессе образования новых видов. В одном из своих последних выступлений, посвящённом этому вопросу, он говорил: «При развитии своей теории о естественном отборе и при объяснении преобразования одной формы в другую Дарвин, как мне кажется, слишком односторонне налегает на борьбу за существование» (с. 128). В представлении Кесслера борьба за существование как фактор, разъединяющий организмы друг от друга, способствует углублению различий между организмами, и в том её существенная роль в процессе эволюции форм. Но для передачи возникающих изменений потомству необходимо взаимное сближение организмов в целях размножения. И в этом явлении Кесслер видит основу взаимоотношений другого типа – взаимопомощи между индивидуумами. Сюда он включает такие явления, как забота самца о самке, забота о потомстве, стадные инстинкты, общественная жизнь насекомых и т.д. (Банина, 2010).

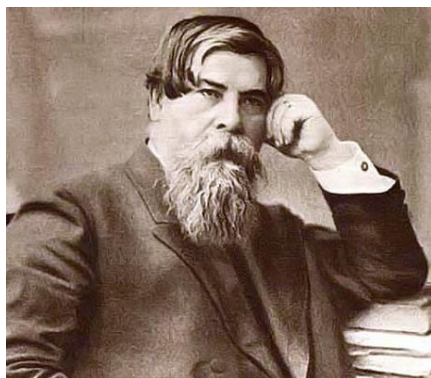
Оценивая роль взаимопомощи в эволюции, К.Ф. Кесслер писал: «Взаимная помощь, оказываемая одними неделимыми другим неделимым того же вида, с одной стороны, противодействует борьбе между ними за существование, а с другой стороны, облегчает борьбу не столько между отдельными неделимыми, сколько между отдельными видами» (Кесслер, 1880. С. 130). Таким образом, он ограничил сферу действия борьбы за существование между особями внутри вида, введя дополнительный фактор – взаимопомощь. Роль взаимопомощи в эволюции Кесслер видел в сплочении особей в пределах вида для облегчения его победы в конкурентной межвидовой борьбе. Если потребность в питании ведёт к борьбе за существование, то стремление организмов к размножению ведёт к их сближению, к взаимопомощи (Галл, 1976; Банина, 2010).

Исходя из широкого понимания взаимопомощи как благоприятных отношений, возникающих в условиях совместной жизни организмов, выдающийся русский психиатр, невропатолог, физиолог, психолог с мировой известностью В.М. Бехтерев (1912, 1916) считал взаимопомощь универсальным явлением живой природы в мире как животных, так и растений. Вслед за К.Ф. Кесслером, В.М. Бехтерев (1916) полагал, что «сотрудничество имеет свое начало в основном жизненном процессе – в размножении организмов» (с. 1153). По В.М. Бехтереву (1916), организация сообществ как животных, так и растений, построена на единстве процессов конкуренции и кооперации. Конкуренцию внутри сообщества, приводящую к отбору «элементов, наиболее полезных сообществу», он назвал социальным отбором (с.1154). Не отрицая дарвиновский естественный отбор, В.М. Бехтерев придавал социальному отбору важнейшую роль в организации и эволюции сообществ растений и животных.

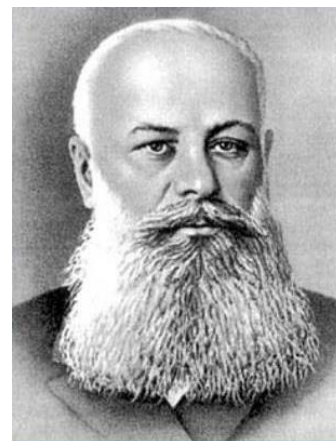
Создатель науки о почвах В.В. Докучаев в своих лекциях, прочитанных в 1900 году статистикам Полтавского земства, был, по существу, солидарен и с К.Ф. Кесслером, и с В.М. Бехтеревым: «Великий Дарвин, которому современная наука обязана, быть может, 9/10 своей настоящей широты, полагал, что миром управляет ветхозаветный закон: око за око, зуб за зуб. Это крупная ошибка, великое заблуждение. Понятно, что за эту ошибку Дарвина нельзя винить, и её нельзя приписать недостатку таланта, перевернувшего, как я говорю, вверх дном всю науку. Но всё же теперь Дарвин оказывается, слава Богу, неправым. В мире кроме жестокого, сурового ветхозаветного закона постоянной борьбы, мы ясно усматриваем теперь закон *содружества, любви*» (Докучаев, 1953. С. 277).

Карл Фёдорович Кесслер
(1815—1881).

Владимир Михайлович Бехтерев
(1857-1927).

Василий Васильевич Докучаев
(1846-1903)

Таким образом, в отличие от ортодоксального дарвиниста К.Е. Тимирязева (и др.), К.Ф. Кесслер, В.М. Бехтерев и В.В. Докучаев считали конкуренцию и взаимопомощь составными элементами «всеобщего закона взаимодействия материальных систем» (по А.Н. Бекетову, 1873) и полагали, что организация сообществ построена на единстве процессов конкуренции и кооперации как в животном, так и в растительном мирах. При этом закон взаимной помощи в прогрессивной эволюции играет гораздо более важную роль, чем закон взаимной борьбы.

Как отмечает Ю.В. Титов (1978), в растительном мире Г.Ф. Морозов, В.Н. Сукачёв и А.П. Шенников выделяли два типа взаимоотношений растений – взаимоугнетающие и взаимоблагоприятные. Проанализировав широкий спектр ценотических взаимоотношений в различных растительных группировках, он видит результат конкуренции и взаимопомощи соответственно в «эффekte плотности» и «эффekte группы». Первый проявляется в снижении темпов роста и численности особей в биогруппе, а второй обусловлен взаимодействием особей с целью повышения ее устойчивости.

Георгий Фёдорович
Морозов (1867—1920)

Владимир Николаевич Сукачѐв
(1880–1967)

Александр Петрович
Шенников (1888–1962)

Целый ряд ученых отдают ведущую роль в формировании растительного сообщества процессу конкуренции между корневыми системами в почвенной толще (Коловский, 1968; Baldwin, 1976; Wilson, 1988; Aerts et al., 1991; Grubb, 1994; Kadmon, 1995; Eissenstat, Yanai, 1997; Casper, Jackson, 1997; Санников, Санникова, 2014). Однако далеко не все придерживаются подобного мнения.

Рис. 1. Срастание корневых систем сосен на олиготрофном болоте (Демаков, 2007).

Ю.П. Демаков (2007), например, утверждает, что отпад деревьев в насаждении происходит не в результате корневой конкуренции за влагу и элементы питания, а в результате недостатка света. На это указывает, в частности, наличие «живых» пней (Юновидов, 1935; Макаренко, 1962), которые могут давать прирост в течение 35–87 лет после срубания дерева (Калинин, 1991). Наличие «живых» пней в древостоях свидетельствует о функционировании корневых систем срубленных деревьев. По мнению Ю.П. Демакова, факт срастания корневых систем деревьев говорит о том, что насаждение является единой и цельной системой, а не простой совокупностью особей (рис. 1). В этой системе, где каждая особь играет свою роль, нет места конкурентной борьбе, а наоборот, широко распространена взаимопомощь (Duncan, 1991; Peterson, Squires, 1995). Существенное повышение устойчивости сросшихся растений в группе в процессе роста отмечал также Ю.В. Титов (1978). Этот процесс достаточно широко распространён: так, в возрасте от 19 до 60 лет на 1 га может насчитываться до 1000 сросшихся корнями деревьев, и с увеличением возраста доля сросшихся корнями особей в древостое возрастает (Колтунова, 2013).

На пробной площади, заложенной в сосновом древостое 120-летнего возраста в условиях сухой степи, из 19 обследованных деревьев у 18 (95 %) было обнаружено срастание корней с соседними деревьями (рис. 2). Причём в более жёстких условиях произрастания процесс кооперации особей идет активнее. Этот феномен расширяет адаптационные возможности вида в жёстких условиях произрастания (Keeley, 1988; Callaway, Walker, 1997; Holmgren et al., 1997; Tarroux et al., 2010, 2011; Колтунова, 2013; Adonsou et al., 2016).

Рис. 2. Структура корневых систем деревьев в 120-летнем сосняке как система перетока ассимилятов и элементов питания; черными кружками обозначены места срастания корней (Колтунова, 2013).

Итак, исследования К.Ф. Кесслера и В.М. Бехтерева взаимоотношений в животном мире и выше упомянутых русских учёных-лесоведов показывают, что организация сообществ построена на единстве процессов конкуренции и кооперации, при этом закон взаимной помощи для успешности борьбы за жизнь играет гораздо более важную роль, чем закон взаимной борьбы.

Владимир Павлович Эфроимсон (1908-1989).

Насколько приложим подобный тезис к человеческому сообществу? Вот что пишет в этой связи русский генетик В.П. Эфроимсон (1971): «Обычно человек с его психикой рассматривается исключительно как продукт социальных сил. И потому не исключено, что некоторым читателям попытка осветить эволюционно-генетическую сторону проблемы покажется недопустимым переносом биологических закономерностей в социологию. Между тем, ...замеченное людьми вредное влияние кровного родства родителей на потомство привело к грандиозному перевороту в системе брачных отношений, межгрупповой отбор отметал племена с кровосмесительными браками и поддерживал племена, где эти браки запрещались. ...При этом перестраиваются в ходе отбора не только законы, но и инстинкты у огромного большинства людей всех времен и народов, начисто исключаящие половое влечение брата к сестре и наоборот. ...Таким образом, на половой инстинкт самой природой, именно наследственным инстинктом, наложено биологически чрезвычайно важное ограничение. ...Так мощно действовал именно биологический фактор на социальные отношения. Так мощно система воспроизводства человека влияла на общественное сознание».

С целью анализа понятий взаимопомощи и борьбы за существование в обществе и природе в аспекте социологии в целом и современных российских социологических и экономических реалий в частности, рассмотрим вначале основные взгляды на эту проблему князя Петра Алексеевича Кропоткина. Его имя ассоциируется у нас, прежде всего, с отечественным анархизмом, возникшим в недрах революционного народничества. В 1876 году, после смерти М.А. Бакунина, именно он стал признанным теоретиком и пропагандистом анархии. Однако многогранность и незаурядность личности П.А. Кропоткина не могут быть сведены только к этой стороне его деятельности. Его пылкий исследовательский ум плодотворно работал во многих направлениях (Гриджин, 1991).

Исчерпывающую и ёмкую характеристику даёт ему Р.К. Баландин: «Подобно мятущемуся Бакунину, он доказывал верность своих идеалов собственной жизнью. Этим он самым решительным образом отличается от подавляющего большинства философов и политологов, социологов. Кто он? Знатный князь и революционер-народник, камер-паж императора Александра II, наследник богатых имений, храбрый офицер, теоретик анархизма, замечательный путешественник, ученый-первооткрыватель (географ, геолог), глубокий мыслитель. Уникально уже само по себе сочетание этих качеств. Но

главное: велик он не тем, что достиг званий и должностей, а тем, что имел честь и мужество отказаться от них во имя высоких идеалов и свободы. Жизнь свою он построил наперекор судьбе. Не злomu беспощадному Року древнегреческих трагедий, а той доброй сказочной фее, которая одарила его при рождении высоким титулом, богатым наследством, привилегированным положением в обществе. (Не об этом ли мечтают эгоисты-индивидуалисты?). Ему предоставлялись прекрасные возможности для блестящей карьеры на службе и в науке. Он их отверг без долгих раздумий. Воспеватель и превозноситель собственного "Я" Макс Штирнер смиренно прошел свой ничем не примечательный жизненный путь и умер в безывестности. А жизнь Петра Кропоткина была исполнена необычайных приключений, творческих исканий и открытий; имя его для миллионов людей стало символом свободы... Он был учителем жизни не только на словах, но и на деле - на собственном примере» (Баландин, 2002).

В отличие от Макса Штирнера, «отца анархизма», с его книгой «Единственный и его собственность», изданной в 1844 году, которую называли «песней эгоизма», П.А. Кропоткин подходил к проблеме взаимопомощи и конкуренции с позиций этики. «Энциклопедист по своим познаниям, - пишет Г. Грузман (2006), - и прирожденный реформатор по натуре, Кропоткин внес яркий вклад в основные отрасли духовного творчества человечества, но ни одна из них не почтила благодарственной памятью это имя, а общественную известность он получил там, где его более всего исказили». Необыкновенно гармоничная личность, П.А. Кропоткин (1922a) считал этику двигателем прогресса, а взаимную помощь – законом природы и фактором эволюции. Он считал, что «лучшие условия для прогрессивного отбора создаются *устранением состязания*, путём взаимной помощи и взаимной поддержки» (с. 82). Его незаконченное исследование «Этика» представляет собой учение о нравственности, обосновывающее иную форму организации общества, нежели государство. Исторический оптимист, он утверждал идеалы добра, веру в величие человека, мудрость народа.

Петр Алексеевич Кропоткин - явление не только отечественной, но и мировой культуры. Весь свой могучий талант исследователя природы и общества он посвятил одной цели - сделать достойной жизнь человека, гармонизировать общественные и личные интересы, научить каждого ощущать себя органической частью природы. Оскар Уайльд сказал о нем: «Человек с душой того прекрасного Христа, который, кажется, идет из России».

Развивая идею профессора К.Ф. Кесслера (1880) о наличии двух основных потребностей в органическом мире – в питании и размножении, порождающих соответственно борьбу за существование и взаимопомощь, П.А. Кропоткин (1922a) пишет: «Любовь, симпатия и самопожертвование, конечно, играют громадную роль в прогрессивном развитии наших нравственных чувств. Но общество в человечестве зиждется вовсе не на любви и даже не на симпатии. Оно зиждется на сознании — хотя бы инстинктивном — человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полусознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех и на чувстве справедливости или беспристрастия, которое вынуждает индивидуума рассматривать права каждого другого, как равные его собственным правам» (с. 7).

В работе «Справедливость и нравственность» П.А. Кропоткин (1921) излагает своё понимание истоков нравственности в природе: «Всякий, кто возьмёт на себя труд серьёзно заняться вопросом о зачатках нравственного в природе, увидит, что среди животных, живущих общественной жизнью, — а таковых громаднейшее большинство — жизнь обществами привела их к необходимости, к развитию известных инстинктов, т.е. наследуемых привычек нравственного характера. ...Без таких привычек жизнь обществом была бы невозможна. Поэтому мы находим в обществах птиц и высших млеко-

питающих (не говорю уже о муравьях, осах и пчёлах, стоящих по своему развитию во главе класса насекомых) первые зачатки нравственных понятий. Мы находим у них привычку жить обществами, ставшую для них необходимостью, и другую привычку: не делать другим того, чего не желаешь, чтобы другие делали тебе. Очень часто мы видим у них также и самопожертвование в интересах своего общества».

И далее: «Можно сказать вполне утвердительно, что нравы общительности и взаимной поддержки вырабатывались ещё в животном мире и что первобытный человек уже прекрасно знал эту черту жизни животных, как это видно из преданий и верований самых первобытных народов. Теперь же, изучая уцелевшие еще первобытные человеческие общества, мы находим, что в них продолжают развиваться те же нравы общительности. Мало того, по мере изучения мы открываем у них целый ряд обычаев и нравов, обуздывающих своеволие личности и устанавливающих начало равноправия» (Кропоткин, 1921).

Свою концепцию он развивает в работе «Этика» (1922б): «Естественно, что... среди очень многих человекоподобных видов, с которыми человек находился в борьбе за жизнь, выжил тот вид, в котором было сильнее развито чувство взаимной поддержки, тот, где чувство общественного самосохранения брало верх над чувством самосохранения личного, которое могло иногда влиять в ущерб роду или племени. ...Почему, вследствие какого умственного или чувственного процесса человек, сплошь да рядом, в силу каких-то соображений, называемых нами "нравственными", отказывается от того, что несомненно должно доставить ему удовольствие? Почему он часто переносит всякого рода лишения, лишь бы не изменить сложившемуся в нем нравственному идеалу?» (с. 109, 207). И в наши дни на обложке популярной книги Митчела Уолдропа (Waldrop, 1993) читаем: "В мире, где хорошие парни часто финишируют последними, почему люди ценят доверие и сотрудничество?».

Но П.А. Кропоткин (1922а) видит и другую отличительную черту людей, прямо противоположную взаимопомощи, тем не менее, также определяющую прогресс общества: «Вероятно, нам заметят, что взаимная помощь, хотя она и представляет одну из крупных деятельных сил эволюции, т.е. прогрессивного развития человечества, она всё-таки является лишь одним из различных видов отношений людей между собою; рядом с этим течением, как бы оно ни было могущественно, существует и всегда существовало другое течение – самоутверждение личности не только в её усилиях достигнуть личного или кастового превосходства в экономическом, политическом или духовном отношении, но также в более важной, хотя и менее заметной деятельности – в разрывании тех уз, всегда стремившихся к окристаллизации, окаменению, которые род, деревенская община, город или государство налагают на личность. Другими словами, в человеческом обществе самоутверждение личности тоже представляет элемент прогресса» (с. 285-286).

Оптимизмом, обращённым в будущее, проникнута заключительная часть книги учёного-гуманиста П.А. Кропоткина «Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса» (1922а): «Ни сокрушающие силы централизованного государства, ни учения взаимной ненависти и безжалостной борьбы, которые исходят, украшенные атрибутами науки, от услужливых философов и социологов, не могли вырвать с корнем чувства человеческой солидарности, взаимности, глубоко коренящегося в человеческом сознании и сердце, так как чувство это было воспитано всем нашим предыдущим развитием. То, что было результатом эволюции, начиная с её самых ранних стадий, не может быть уничтожено одной из преходящих фаз той же самой эволюции. И потребность во взаимной помощи и поддержке ... возрождается снова, даже в нашем современном обществе, и провозглашает своё право, - право быть, как это всегда было, главным двигателем на пути дальнейшего прогресса» (с. 283).

И далее: «Каких бы мнений ни держались мы относительно первоначального происхождения чувства или инстинкта взаимной помощи – будем ли мы приписывать его биологическим или же сверхъестественным причинам – мы должны признать, что заметить его существование можно уже на низших ступенях животного мира. От этих начальных ступеней мы можем проследить непрерывное, постепенное его развитие через все классы животного мира и, несмотря на значительное количество противодействующих ему влияний, через все ступени человеческого развития, вплоть до настоящего времени. ...Мы можем утверждать, что главную роль в этическом развитии человечества играла взаимная помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении начал взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы также видим лучший задаток ещё более возвышенного дальнейшего развития человеческого рода» (с. 289-290).

Итак, П.А. Кропоткин сомневался в причинах первоначального происхождения чувства взаимной помощи, биологических ли, сверхъестественных ли, «оставляя дальнейшим исследователям задачу о происхождении инстинктов взаимной помощи в природе» (Кропоткин, 1922а. С. 4). По крайней мере, в части «сверхъестественных» причин пока есть лишь некоторые осторожные предположения, в основе которых лежит установленный антропологами и неподкреплённый пока никакими артефактами совершенно грандиозный интеллектуальный скачок между человеком прямоходящим и человеком мыслящим, произошедший около 2-4 миллионов лет назад и не вписывающийся в теорию естественного отбора.

Так, Н.П. Дубинин (1982) не согласен с утвердившимся в науке мнением о постепенной эволюции человека и утверждает: «Сознательная деятельность отделяет человека от животных целой пропастью... Уникальность появления предчеловека, неповторимость этого события в истории жизни заставляет признать его неожиданным и внезапным» (с. 5). В этой связи П. Тейяр де Шарден (1987) задает резонный вопрос: «Что же случилось между последними слоями плиоцена, где еще нет человека, и следующим уровнем, где ошеломленный геолог находит первые обтесанные кварциты? И какова истинная величина скачка? ...Ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни – в этом весь парадокс человека» (с. 135).

Ю.И. Новоженев (2007), критикуя созданную воображением Ф. Энгельса трудовую теорию происхождения человека, пишет: «Когда в Африке обнаружили останки знаменитой обезьяны Люси и отпечатки ее ног в застывшей лаве, то выяснилось, что она целый миллион лет ходила на задних ногах и не желала работать, хотя руки у нее были свободны» (с. 145). В другой работе Юрий Иванович развивает свою мысль (Новоженев, 1997): «Теория Маркса и Энгельса о том, что труд создал человека, не выдерживает критики, ибо у животных нет никакого труда. Поэтому, когда мы говорим, что труд создал человека, то запрягаем карету впереди лошади, и такая повозка не вывезет нас из логического тупика» (с. 6). Американский ученый Закария Ситчин в статье «Дело об инопланетных генах Адама» утверждает, что современный человек создан путем генной инженерии (цит. по: Кравец, 2008). В.Р. Дольник (1994) делает вывод: «Беда в том, что люди рано стали людьми... Выживать стали не те, кто лучше устроен, а те, кто лучше пользуется приобретенным и с каждым поколением возрастающим знанием... В самый разгар биологической эволюции случилось невиданное: человек в значительной мере вышел из-под влияния естественного отбора незавершенным, недоделанным. И таким остался навсегда» (с. 127).

В части биологических причин пытался разобраться с точки зрения генетики В.П. Эфроимсон в работе «Родословная альтруизма» (1971). От вмешательства «потусторонних» сил или божественного начала Владимир Павлович отрешивается, как говорится, «на берегу»: «Проблема происхождения доброго начала в человеке спокон веков волнует мыслителей. В не столь уж далекие времена для большинства людей наиболее убедительным представлялось то объяснение, которое давала этой проблеме

религия. Сегодня, когда мало кто всерьез относится к идее божественного происхождения добра, широко распространено убеждение, что воспитание - полный, единственный и безраздельный творец этических, моральных, нравственных начал в человеке, а их передача от поколения к поколению целиком обусловлена только социальной преемственностью».

В.П. Эфроимсон показывает, что те давние, хотя и противоречивые, склонности к совершению добра, которые постоянно раскрываются в человеке, имеют свои основания в его наследственной природе, куда вложены они действием биологических факторов, проявившихся в механизмах естественного отбора в ходе исторического развития человеческого общества, не отрицая в то же время роли окружающей среды и воспитания. Он задаёт вопрос: «Естествен ли, природен ли для человека только эгоизм?» - и даёт на него отрицательный ответ. Если естественный отбор среди диких животных ведет к усилению хищнических инстинктов в рамках борьбы всех против всех, то такой же характер он должен был бы иметь и в ходе формирования человечества. Тогда неизбежен вывод, что все этические начала в человеке порождены лишь воспитанием, религией, верой и приобретаются каждый раз заново под влиянием среды в ходе индивидуального развития; зато вспышки жестокости означают естественный возврат к первобытным звериным инстинктам.

В отношении наследственно обусловленных родительских инстинктов он пишет: «Уже у стадных животных этот тип альтруизма распространяется за пределы семьи, охватывает стаю, стадо - отсутствие чувства взаимопомощи у членов этого сообщества обрекает его на быстрое вымирание. Ведь у многих видов животных только стая, а не пара родителей способна одновременно осуществлять сигнализацию об опасности, защиту детенышей и добывание для них пищи». И приводит такой пример: «Натуралист Евгений Маре, три года живший среди павианов в Африке, однажды подсмотрел, как леопард залег около тропы, по которой торопилось к спасительным пещерам запоздавшее стадо павианов - самцы, самки, малыши, словом, верная добыча. От стада отделились два самца, потихоньку взобрались на скалу над леопардом и разом прыгнули вниз. Один вцепился в горло леопарду, другой в спину. Задней лапой леопард вспорол брюхо первому и передними лапами переломил кости второму. Но за какие-то доли секунды до смерти клыки первого павиана сомкнулись на яремной вене леопарда, и на тот свет отправилась вся тройка. Конечно, оба павиана не могли не ощущать смертельную опасность. Но стадо они спасли».

Но есть более поразительные примеры. Кооперация сообществ муравьев и пчёл очевидна для любого наблюдательного человека. Но что заставляет один из видов насекомых при сильной опасности быстро собираться вместе и выкладывать из своих тел некую фигуру, удивительно сильно похожую на врага тех, которые приближаются, создавая эту опасность? В результате нападение тут же отменяется (устное сообщение Е.В. Колтунова). Вопрос: кто же их обучил изображать подобные фигуры, т.е. притворяться хищником тех, которых они сами смертельно боятся?. (<http://sivatherium.narod.ru/postcard/defence/defence.htm>)

В.П. Эфроимсон пишет также о сопряженном диалектическом развитии двух противоположных инстинктов: «Круг инстинктов и безусловных рефлексов, необходимых для сохранения потомства, огромен. Требуется не только храбрость, но храбрость жертвенная, сильнейшее чувство товарищества, привязанность не только к своей семье, но и ко всем детенышам стаи, выработка мгновенной реакции на защиту беременных и кормящих самок. В условиях постоянных нападений хищников многие из этих рефлексов должны были срабатывать молниеносно. Конечно, нельзя представить себе путь к человечеству только как путь усиления, совершенствования и расширения того начала, которое можно назвать альтруистическим. Во многих ситуациях избирательно выживал и оставлял больше потомства тот, над кем тяготел инстинкт самосохранения, чистый

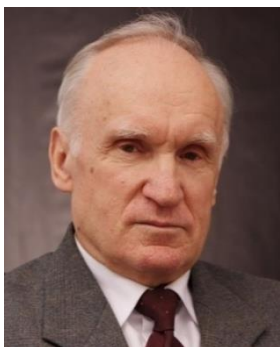
эгоизм. Борьба внутри стаи или племени за добычу, за самку сопровождалась отбором и на хищнические инстинкты... Но племя, лишённое этических инстинктов, имело, может быть, столь же мало шансов оставить взрослое потомство, как племя одноногих, одноруких или одноглазых. Стаи дочеловеков, орды, роды и племена человека могли не конкурировать и не воевать друг с другом, все равно природа безжалостно истребляла те общины, в которых недостаточно охранялись беспомощные дети.

В.П. Эфроимсон (1971) показывает, что альтруистические инстинкты не ограничиваются заботой о потомстве, и становление человечества, превращение человека в сверхсоциальное существо было связано с естественным отбором и на другие альтруистические инстинкты, гораздо более широкие: «Одной из особенностей человека и человечества является любопытство и жажда знаний, обрекавшая немалое число особенно одержимых этой жаждой людей на жертвы и лишения. Эту жажду можно считать противоестественной, тем более что овладение знаниями часто не помогало, а скорее мешало их владельцам выжить и тем более оставить побольше потомства. Те, кто имел мужество идти дальше уже общепризнанного или смело думал о недозволенном, гибли во все века. ...Индивидуальный отбор, вероятно, во все века действовал против чрезмерно любознательных, против стремившихся к познанию. ... Тем нужнее эти немногие думающие для племени» («задумавшиеся кролики», по Ф.А. Искандеру, 2015).

«Таким образом, закон естественного отбора, самый могущественный из законов живой природы, самый безжалостный и "аморальный" среди них, постоянно обрекавший на гибель подавляющее большинство рождавшихся живых существ, закон уничтожения слабых, больных, в определенных условиях - и именно в тех условиях, в которых создавалось человечество - породил и закрепил инстинкты и эмоции величайшей нравственной силы», - утверждает В.П. Эфроимсон.

Касаясь фактов, как бы опровергающих эволюционно-генетическую гипотезу становления этики, связанных с существованием «воистину бессовестной преступности», В.П. Эфроимсон задается вопросом, какую роль в преступности играют биологические и генетические факторы?

Он считает, что склонность к преступности вовсе не есть неизбежная компонента человеческой психики, порожденная его биологическим "звериным" естеством. Основная часть общества удерживается в рамках общечеловеческой этики, однако неизбежные генетические аномалии "срывают" норму, и возможны тысячи разных наследственных поражений. В этом смысле преступность и жестокость обусловлены генетически, следовательно, могут передаваться по наследству. С другой стороны, естественный отбор с доисторических времен вырабатывал альтруизм и этику в условиях, когда большинство людей жили в согласии, т.е. до социального расслоения и появления частной собственности, и поэтому он не мог выработать этику, устойчивую к средствам массовой информации всех времён, «как не мог подготовить наш организм к перенесению взрывов водородных бомб». К этой-то ситуации естественный отбор человеческую психику не подготовил.

Алексей Ильич Осипов (род. 31 марта 1938 г.) — русский православный богослов, педагог и публицист, профессор Московской духовной академии, доктор богословия *honoris causa*.

Доктор богословия А.И. Осипов задает студенческой аудитории вопрос, какой грех они считают самым опасным? И отвечает: самый опасный грех тот, который совершается без принуждения. Это добровольный выбор человеком греха, это выбор дьявола вместо Бога. Добровольный грех является причиной или предтечей всех остальных грехов, в том числе самого страшного – жестокости как проявления Зла в человеке в максимальной степени.

Но что же провоцирует этот «грех без принуждения»? Может быть, причина его и есть генетическая? Вот картинка с детской площадки. В песочнице сидят двое детей, которые не только говорить, но и ходить ещё толком не научились. Один из них что-то строит, а у второго строить желания нет. Он ждёт завершения процесса, а дождавшись, с удовольствием разрушает содеянное партнёром. Две противоположные стратегии поведения, которые воспитанием не объясняются, его ещё практически не было. Но означает ли это, что из второго ребёнка обязательно вырастет преступник? Или сохранится всего лишь склонность к преступлению, в силу обстоятельств и воспитания так и не реализовавшаяся в течение жизни? Вопрос!

Исследуя мировую историю социальной организации общества, П.А. Кропоткин уделял особое внимание общине как одной из её стадий, когда принцип взаимной помощи проявился в наибольшей степени. Его очерк «Государство и его роль в истории» (1917) завершается следующими положениями: «История не представляет одной, непрерывной линии развития. По временам развитие останавливалось в одной части света, а затем возобновлялось в другой. Египет, Азия, берега Средиземного моря, центральная Европа поочерёдно перебивали арену исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило в стадию сельской общины; затем наступал период вольных городов и, наконец, период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало (с. 61).

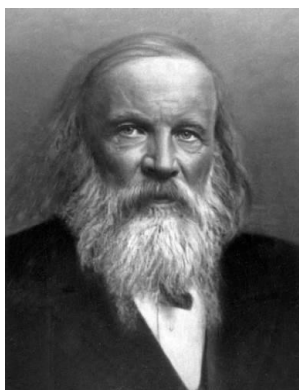
Рассматривая историю общины, её расслоения и поляризации общества, П.А. Кропоткин (1922a) не считает общину исторически изжившей формой социальной организации: «Деревенские общины прожили более тысячи лет, и в тех случаях, когда крестьяне не были разорены войнами и поборами, они постепенно улучшали методы культуры; но так как ценность земли возрастала вследствие роста промышленности, и дворянство при государственной организации приобрело такую власть, какой оно не имело при феодальной системе, - оно завладело лучшей частью общинных земель и приложило все усилия, чтобы разрушить общинные установления. ...Короче говоря, разговоры об естественной смерти деревенских общин в силу экономических законов представляют такую же безобразную шутку, как если бы мы говорили об естественной смерти солдат, убитых на поле битвы» (с. 231). Столетие назад он констатирует: «Установления деревенской общины так хорошо соответствуют нуждам и понятиям тех, кто сам обрабатывает землю, что, несмотря на всё, Европа вплоть до настоящего времени покрыта ещё живущими пережитками деревенских общин, а деревенская жизнь изобилует по сию пору привычками и обычаями, происхождение которых относится к общинному периоду» (Там же. С. 231).

Особую роль общине придаёт П.А. Кропоткин в России, где она выходит за рамки трудовой сельской кооперации: «Россия представляет наилучшее поле для изучения кооперации в бесконечно разнообразных формах. В России кооперация, т.е. артель, выросла естественным образом; она унаследована от средних веков, и в то время как формально образовавшемуся кооперативному обществу пришлось бы бороться с кучею законных затруднений и с подозрительностью бюрократии, неоформленный вид кооперации – *артель* – представляет самую сущность русской крестьянской жизни. Вся история “созидания России” и колонизации Сибири представляется в действительности историей охотничьих и промышленных артелей, вслед за которыми потянулись деревенские общины. Теперь мы находим артель повсюду...» (Там же. С. 265).

Д.И. Менделеев считал, что в России крестьянская община могла стать основой не только аграрного, но и промышленного сектора экономики: «Общинное крестьянское землевладение, господствующее в России, включает в себе начала, могущие в будущем иметь большое экономическое значение. ...В общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыш возможности правильного решения в

будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение. ...Ближайшим русским идеалом, отвечающим наибольшему благосостоянию нашего народа, должно считать общину, согласно – и под руководством лучших и образованнейших сочленов - ведущую летом земледельческую работу, а зимой фабрично-заводскую на своей общинной фабрике... - вот что одно может, по моему крайнему разумению, сделать русский народ богатым, трудолюбивым и образованным» (цит. по: Катасонов, 2013. С. 371-372).

Выдающийся русский мыслитель, ученый и общественный деятель Сергей Фёдорович Шарапов подчеркивал, что экономическое возрождение России возможно лишь на фундаменте православия, крепкой церковной жизни, с опорой на приход как первичную ячейку общества, имеющую помимо всего ряд экономических функций (Катасонов, 2014). Дореволюционная Россия располагала опытом создания коллективных хозяйств на христианских принципах, на основе святоотеческой хозяйственной парадигмы. Наиболее поучительный пример – православное Трудовое Братство, организованное в конце XIX века русским аристократом Николаем Николаевичем Неплюевым. Цель его он формулирует так: «Осуществить христианство в несравненно большей степени, чем оно осуществляется в окружающей жизни, основать отношения и труд на единой христианской основе братолюбия» (цит. по: Катасонов, 2013. С. 375-376).

Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907)

Сергей Фёдорович Шарапов (1855-1911)

Николай Николаевич Неплюев (1851—1908)

В основу Братства были заложены такие принципы, как «обособление от зла», «дисциплина любви», «системная благотворительность» и др. Н.Н. Неплюев считал, что там, где отсутствует внутренняя дисциплина христианской любви, появляется необходимость дисциплины страха и дисциплины корысти. Устав Братства утверждается Александром III, все его члены грамотны, читают книги и газеты, устраивают театральные постановки. Братство покупает самые современные машины и трактора, вводит севооборот, разводит лучшие породы скота, строит свою электростанцию, имеет телефон. Говоря современным языком, создается высокоэффективное производство с прочной социальной инфраструктурой. Братство продолжает развиваться и после смерти Н.Н. Неплюева и к 1922 году становится лучшим аграрным хозяйством России. Сам факт процветания этой общины, этого братства отвергает концепцию «рыночников», утверждающих, что община с её уравниловкой не конкурентоспособна и обречена на застой.

Но в 1924 году начались аресты, и в 1930-х в период коллективизации хозяйство было уничтожено. Одновременно стало поощряться создание из крестьянской «голытьбы», не ориентированной на прилежный труд, так называемых «коммун», просуществовавших недолго в условиях богоборчества, при отсутствии нравственной скрепы

православия. Такие «коммуны» под названием «Новый мир» и «Красный борец» в 1921 году были организованы, в частности, и в Зауралье, недалеко от г. Далматово. Это были несколько деревянных домиков и 750 гектаров пахотной земли, на месте которых сейчас пустырь (<http://zat.dalmatovo.su/ist-spravka>).

Если идеи П.А. Кропоткина не получили широкого распространения в политической жизни предреволюционной России, то идеи самоуправления и кооперации крестьянства, как предпосылки установления в России земско-федеративной организации всего государственного строя, стали настолько популярны, что партия эсеров, изложившая их в концепции «аграрного социализма», удовлетворив запросы многомиллионной крестьянской массы, стала в течение десяти предреволюционных лет первой по численности и авторитету политической партией страны (Воронин и др., 2017).

Основы концепции аграрного социализма эсеров были изложены в брошюре В.М. Чернова (1906) «Пролетариат и трудовое крестьянство». Рассматривая трудовое крестьянство как основу аграрной экономики страны, В.М. Чернов в отличие от большевиков не считал, что всё русское крестьянское хозяйство имеет мелкобуржуазный характер. По его мнению, трудовое крестьянство делится на две категории: одни живут исключительно продажей своей рабочей силы и полностью лишены собственности на средства производства, другие являются земельными собственниками, владеющими необходимыми средствами производства, но осуществляющими свою деятельность на основе личного и семейного труда.

В.М. Чернов усматривал общность интересов этих двух категорий в том, что основой существования и тех, и других является труд как специфичная политико-экономическая категория, и в том, что те и другие эксплуатируются в процессе производства капиталистическими предпринимателями, а также в сфере обращения товаров и арендных или долговых сделок, т.е. содержат паразитические классы за счёт своего не оплаченного ими труда. Цель программы эсеров состояла не в разъединении, а в соединении крестьянина-земледельца и безземельного батрака.

«Гуманистическое содержание подобных политико-экономических и социологических рассуждений В.М. Чернова, - пишут Б.А. Воронин с соавторами (2017), - состояло в идее “собирания” человека, консолидации общества, поиске общественного согласия. И это важно подчеркнуть в современных условиях, когда вновь требуется консолидация общества перед ростом внешних угроз. Центральное место в концепции «аграрного социализма» российских эсеров занимали проблемы социализации земли и кооперации в сельском хозяйстве» (с. 67).

Осуществление программы социализации земли эсеры основывали на общинных традициях русского крестьянства, считавшего, что право на пользование землей даёт лишь труд, и видели её реализацию по трём позициям: «Во-первых, земля должна быть изъята из товарного оборота и обращена из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние без выкупа. Во-вторых, все земли должны поступать в заведование центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями. В-третьих, пользование землей должно стать уравнилельно-трудовым, обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда в единоличном хозяйстве или в товариществе» (Чернов, 1906).

Концепция аграрного социализма предусматривала поощрение кооперативного движения, кооперирования крестьянских хозяйств, исходя из истории аграрных программ, доказывающей, что в свободном государстве кооперативное движение исключает возможность заражения деревни «буржуазным духом индивидуализма и барышничества». Тем самым эсеры брали на вооружение лучшие традиции народа, вынесенные из глубины истории, и, в первую очередь, презумпцию справедливости.

Стремясь реализовать свою программу, В.П. Чернов в мае 1917 года занял пост министра земледелия во Временном правительстве, но уже в августе, не получив поддержки, вынужден был уйти в отставку. В ноябре 1918 года в составе Учредительного собрания эсеры получили 412 мандатов, а большевики всего 142, т.е. народ поддержал партию эсеров, а не большевиков. Последним это было не нужно, и они просто вооружённым путём разогнали первый демократически избранный парламент России (Воронин и др., 2017). Спустя несколько десятилетий история повторилась «с точностью до наоборот»: на этот раз демократически избранный парламент, в большинстве представленный коммунистами как идейными преемниками большевиков, был расстрелян новой «посткоммунистической» властью.

В наши дни отношение П.А. Кропоткина и В.П. Чернова к традициям русской общины развивает профессор МГИМО, председатель Русского экономического общества имени С.Ф. Шарапова Валентин Юрьевич Катасонов. В книге «О проценте ссудном, подсудном, безрассудном» (2011) он показывает, что современная «рыночная» экономика как проявление «денежной цивилизации» неизбежно ведет человечество к гибели. Зародившись в Древнем Вавилоне в виде ссудного процента, по катастрофическим последствиям равнозначного «вкусению запретного плода в раю», вирус ростовщичества постепенно поражал человечество. Он утверждает: «Капитализм как религиозно-духовное явление – это сатанизм. ...Самое чудовищное в религии денег – ее демонизм. Эта поистине сатанинская религия не соединяет людей, а наоборот, разъединяет, делает неравными, сребролюбивыми, злыми, эгоистами, просто-таки вытравливает человеческий облик» (Катасонов, 2013. С. 348). Современное капиталистическое общество В.Ю. Катасонов оценивает как *антихристианское*, и возрождение Святой Руси возможно лишь при условии отказа от антихристианских принципов развития. Он цитирует отечественного ученого Алексея Гавриловича Махоткина (1946-2008): «Код русской цивилизации – совесть. Код западной цивилизации – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи» и затем перефразирует его: «Код православной экономики - совесть. Код капиталистической экономики – выгода. Эти коды несовместимы и взаимоисключающи» (с. 350-351). Перечислив основные характеристики современного западного (американского) общества, В.Ю. Катасонов приходит к выводу, что американское общество – фашистское.

В дореволюционной России более 80 % населения составляли крестьяне, работавшие семейно, на общинных землях и следовавшие православным заповедям в рамках «малого социума». Труд был свободным и творческим, а распределение продуктов труда осуществлялось на принципах справедливости с непременным атрибутом христианской веры. В.Ю. Катасонов полагает, что необходимо вернуться к идеалу христианской хозяйственной жизни – святоотеческой парадигме. В истории России она реализовывалась на уровне «малых социумов» (монастырской, крестьянской общин, артелей и т.п.) с их идеологией отсутствия стяжательства. В условиях России хорошо зарекомендовали себя промысловые артели: «В XVIII - начале XIX века, - пишет О.А. Платонов (2006), - артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железоделательной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию. ...Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества» (с. 64).

Процеируя опыт Трудового Братства Н.Н. Неплюева на современную российскую действительность, В.Ю. Катасонов (2013) утверждает: «...До тех пор, пока в нашем обществе не возобладает христианская любовь, править им будут два основных отрицательных мотива действий человека – страх и корысть. Общество, которое зиждется на страхе, - тоталитарный режим. Общество, которое зиждется на корысти, - капита-

лизм» (с. 380). Единственно спасительным для человека и общества является проект «христианского социализма».

Практическая реализация святоотеческой парадигмы в масштабах всей страны, по мнению В.Ю. Катасонова (2013), должна происходить «снизу» и постепенно. Он предлагает несколько последовательных шагов: (1) преодоление опасной тенденции скатывания нашей Церкви к протестантской парадигме; (2) формирование в сознании христиан идеи, что господствующий в России капитализм является антихристианской моделью; (3) создание христианских хозяйственных ячеек с учетом исторического опыта и подготовка условий для внедрения святоотеческой хозяйственной парадигмы в масштабах всей России. При этом он отмечает, что перспектива последнего – слишком отдаленная, чтобы о ней говорить конкретно.

В качестве политических рекомендаций нынешнему правительству, которое В.Ю. Катасонов именуется «колониальной администрацией», он считает необходимым осуществить, как минимум, три шага: (1) государственный контроль Центробанка, являющегося сегодня филиалом Федеральной резервной системы США; (2) деофшоризация экономики и (3) контроль над трансграничным движением капиталов. Иными словами, необходимо введение мобилизационной модели экономики.

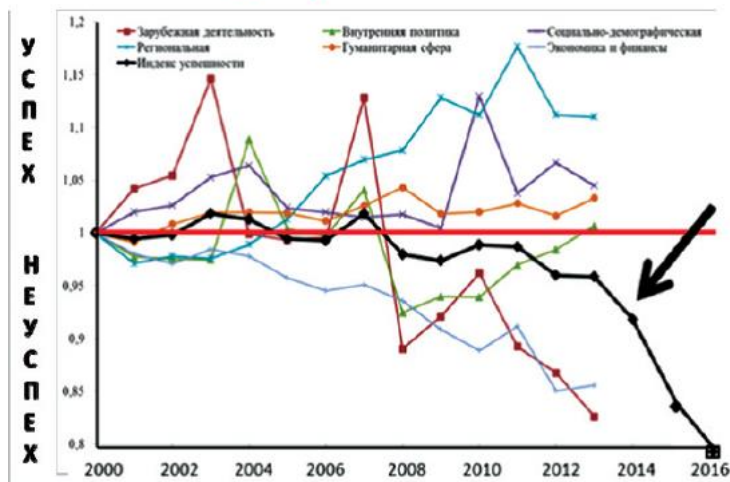
Созвучны сегодня взглядам П.А. Кропоткина, В.П. Чернова и В.Ю. Катасонова высказывания профессора Степана Степановича Сулакшина, который реанимирует принцип социализма, считая, что он «...очень точно (с научной точки зрения) характеризует будущее человечества, очень точно характеризует принцип и природу самого целесообразного устройства жизни человеческого общества... Социальность, кооперативность начались тогда, когда люди занялись разделением труда, социальным вспомоществованием, когда перешли от формул “война всех со всеми” и “человек человеку — волк” к формуле “человек человеку — друг, товарищ и брат”, к форме жизни по типу семьи, когда и слабый, и больной всё равно дорог и ценен. И если в семье сильный мужик тратит прибавочную стоимость на поддержание слабого и больного, то и в обществе, идущем вперед, прогрессирующем, эволюционирующем к цели, должен появляться человек истинный, человек настоящий. В религии давно описали, что это за человек: коллективный, не стяжатель, любящий, рождающий, семью формирующий, стремящийся к идеалу, стремящийся к труду, а не к разбою, не к ренте, не к паразитизму, — вот цель и идеал, к которым должно идти человечество» (<http://rusrand.ru/ideas/socializm--ranenoe-slovo>).

Но: «Социализм — слово раненое, слово, которое в истории было подвержено и гонениям, и диффамации, и дискредитации. ...Это слово израненное, слово потоптанное, слово измазанное». Почему? С.С. Сулакшин считает, что *при его реализации был допущен ряд ошибок*. Главная ошибка заключалась в том, что радикальные провозвестники строительства социального общества, социального государства, социализма тяготели к радикальным решениям. Главной ошибкой было решение, разорвавшее свободу и человеческую коллегиальность, кооперативность бытия. С одной стороны оказалась свобода, а с другой — социальная, кооперативная форма бытия. С одной стороны — индивидуализм, с другой — коллективизм. Было решено, что эти понятия антагонистичны, они противоречат друг другу. Поэтому свободу «порубили», ввели уравниловку. Это превратилось в фактор торможения, в фактор стагнации.

С.С. Сулакшин призывает к тому, чтобы были извлечены уроки из нашего прошлого, чтобы стало очевидным, что радикальные решения неправильны. А правильные решения, которые соединяют свободу человека и его ответственность за то, чтобы самому быть человеком и чтобы в коллективе, в народе, в стране и в мире мы сообща были бы людьми. Социальность нельзя противопоставлять свободе. *Идеологии есть всего три: социализм, либерализм и фашизм*. Либерализм по закону эволюции и по закону социального развития неизбежно переходит в фашизм. Поэтому наряду со словом «со-

циализм», этим раненым словом, есть ещё слова «нравственность» и «справедливость». Будущее человека и человечества, как и содержание прогресса — это социализированное устройство. Это и есть некий конспект теоретической базы политической платформы и проекта Конституции будущей России (<http://rusrand.ru/ideas/socializm--ranenoe-slovo>). Сегодня страна деградирует (<http://rusrand.ru/actuals/chto-takoe-zastoy>).

Индекс успешности России

«Есть разница жизни организма животного и организма человеческого, - пишет А. Вайц (2017). - И связано это с тем, что есть нечто иное, живущее в человеке, которое может любить, страдать, отличать доброе от худого, мечтать, в конце концов. Мечта необходима человеку. Без мечты, без внутреннего устремления человек влачит жалкое существование и при том, что внешне продолжает жить, становится мёртвым внутри. Необходимо понимать, что если дело в человеке, то мы должны рассматривать две его природы, как живущие вместе, нераздельно, но которые, не сливаясь, постоянно спорят между собой. Исходя из этого утверждения, мы и должны проектировать путь развития как человека, так и общества, и государства. Назовём этот путь — духовно-светский путь развития».

В условиях нынешней всё более прогрессирующей глобализации и либерализации позиции не только князя Кропоткина и эсера В.П. Чернова, но также В.Ю. Катасонова и С.С. Сулакшина, многим покажутся утопичными. Можно по-разному оценивать их концепции, но вот что заявил академик Ю.И. Журавлёв о будущем экономики после недавнего мирового кризиса: «Считаю, что это не просто кризис, а предвестник краха либеральной экономики и начало перехода к другому устройству мира. Нет, он не вернется к полному государственному регулированию, как при социализме. Будет найден принципиально новый способ управления, отличающийся и от либерального, и от социалистического. Какой конкретно – сейчас не скажет никто. Это будет путь проб и ошибок с неотвратимыми серьезными катаклизмами, периодами спадов и подъемов...» (цит. по: Медведев, 2010). Но, может быть, именно математическая методология Ю.И. Журавлёва, позволяющая решать парадоксальные «швейковские задачи», поможет найти выход из тупика нынешней глобальной экономики в условиях, когда времени на «путь проб и ошибок» уже не остается?

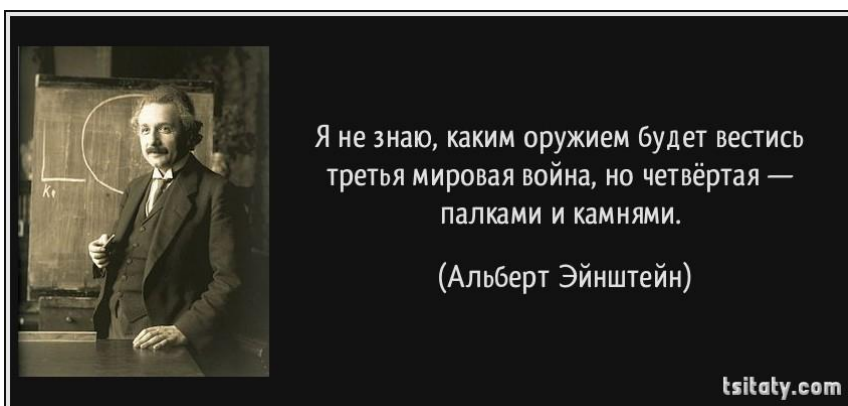
Как бы и сколько бы ни говорили сегодня так называемые «атлантисты» о неизбежности глобализации современного мира, российская ментальность испокон веков была коллективистской, соборной, в отличие от западной, индивидуалистской. «История не раз опровергала тщетные попытки “скопировать” по западному образцу культуру и идеологию России, и всякий раз эти попытки были обречены на провал и приносили русскому народу неисчислимые страдания, - считает красноярский профессор И.А.

Пфаненштиль (2012). - Отечественная и западная идеологические культуры несовместимы и принципиально отличны друг от друга, так как принадлежат различным типам общества» (с. 62).

Свой обзор проблемы глобализации И.А. Пфаненштиль завершает словами: «Американская глобальная политика нового мирового порядка явилась продолжением геостратегии нового мирового порядка нацистской Германии. Всё, что намечали руководители Третьего рейха, сегодня на практике пытаются осуществить США или те силы, которые за ними стоят; во-вторых, американская модель глобального управления и нового мирового порядка, основанного на либерально-демократических ценностях и навязываемая другим странам как единственно возможная, на самом деле несет человечеству неизбежные угрозы тоталитаризма (американизации), деградацию и обнищание целых регионов. Это тупиковый путь развития, ведущий цивилизацию к новым войнам и планетарной катастрофе» (с. 63). Сегодня вопрос стоит так: либо планетарный «новый мировой порядок» под эгидой США, либо создание геополитической оппозиции и альтернативного блока «почвенных» народов и государств (Пфаненштиль, 2012). Есть

и третий вариант, но в случае его реализации обсуждать что-либо будет уже некому.

Если был прав академик Л. Берг (1922) в том, что борьба за существование (как, по-видимому, и взаимная помощь) одинаково препятствует как регрессу, так и прогрессу,

что сама по себе она – фактор нейтральный и при участии человеческого разума может быть использована в любом направлении: и в сторону прогресса, и в сторону регресса, то в связи с изложенным закономерен вопрос: возобладает ли в геополитике здравый смысл или будем продолжать скатываться в пропасть? Хватит ли сегодня у «правителей мира» ума и возможностей, чтобы

не допустить ядерного самоуничтожения?

В наши дни проводятся тревожные параллели между двумя ситуациями в православном мире, разделёнными периодом длиной в 564 года. Это Византия в кольце османских завоевателей, не устоявшая под их натиском, и нынешняя Россия в «петле анаконды», обложенная почти по всему периметру силами, враждебными Русскому миру. Причины падения Византии (олигархический принцип управления, тотальная коррупция, спекулятивный характер

финансовой системы, падение уровня образования, науки и культуры, забвение принципов общественного блага, предательство веры отцов и т.д.) пугают почти полным сходством с современными российскими реалиями (Лебедев, 2005; Рябцев, 2017).

Россия стоит перед лицом глобальной опасности, исходящей сегодня от стран «золотого миллиарда». Чтобы выжить, избежав участи Византии (Лебедев, 2005) и за-

паднославянской цивилизации (Усольцев, 2014), стране нужна качественная модель государственного управления, поскольку две последние модели за столетие (точка отсчета – убийство великого гражданина России Петра Аркадьевича Столыпина в 1911 году) привели ее в экономический и социальный тупик.

Фёдор Фёдорович Ушаков (1745—1817).

Сказано в Евангелии: «Претерпевший всё – да спасён будет!». Не знавший поражений русский флотоводец адмирал Фёдор Ушаков (в октябре исполняется 200 лет со дня его смерти) завещал нам: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обернутся к славе России». По прогнозам Парацельса и русского генерала В.А. Мошкова (1907, 1910), это может произойти к 2040-50 гг.

Наконец, ещё одно оптимистическое предсказание-надежда великого гуманиста-романтика России П.А. Кропоткина (1922а.), в реализации которой он, как и К.Ф. Кесслер, был совершенно уверен: «И всякий раз, когда человечеству приходилось выработать новую социальную организацию, приспособленную к новому фазису его раз-

вития, созидательный гений человека всегда черпал вдохновение и элементы для нового выступления на пути прогресса всё из той же самой вечно живой склонности ко взаимной помощи. Все новые экономические и социальные учреждения, поскольку они являлись созданием народных масс, все новые учения нравственности и новые религии, - все они происходят из того же самого источника. Так что нравственный прогресс человеческого рода, если рассматривать его с широкой точки зрения, представляется постепенным распространением начал взаимной помощи, от первобытного рода к нации и к союзам народов, т.е. к группировкам племен и людей, всё более и более обширным, пока, наконец, эти начала не охватят всё человечество, без различия вер, языков и рас» (с. 219-220).

К сожалению, более 200 лет татаро-монгольского ига, столетия крепостничества в России, миллионы невинно репрессированных в XX столетии, нынешний рекордный разрыв между нищенским уровнем жизни основной массы населения России и кучки

так называемых «олигархов», обезумевших от свалившихся на их головы миллиардов, – всё это не может не отразиться негативно на ментальности русских людей с их обострённым чувством справедливости. Однако, по Л. Гумилёву, вектор развития общества определяет не большинство, а его верхний слой пассионариев, который всегда сохраняется, но не всегда проявляется. Россия на очередном перепутье.

Даниил Александрович Гранин (1919-2017).

Пришло время раздумий и принятия конструктивных решений, руководствуясь напутствием недавно ушедшего от нас великого советского писателя-гражданина Даниила Гранина, кавалера ордена Святого апостола Андрея Первозванного, высказанное в его «Исповеди» (НТВ, 9 июля 2017 г.): «Не хочется хвалить нашу жизнь, в ней много тёмного. Но прежде чем ругать темноту, надо зажечь свою свечку».

Список использованной литературы

- Баландин Р.К.* Предисловие. Анархия – это свобода // Кропоткин П.А. Анархия: Сборник. М.: «Айрис-пресс», 2002. С. 5-45.
- Баландин Р.К.* Анти-Дарвин. Миражи эволюции. М.: «Яуза, Эксмо», 2010. 350 с.
- Банина Н.Н.* Карл Фёдорович Кесслер (1815-1881) как учёный и общественный деятель // Русский орнитологический журнал. 2010. Т.19. № 616. С. 2155-2173.
- Бекетов А.Н.* О борьбе за существование в органическом мире // Вестник Европы. 1873. № 10. С. 558-593.
- Берг Л.С.* Борьба за существование и взаимная помощь. Петроград: «Время», 1922. 36 с.
- Бехтерев В.М.* Социальный отбор и его биологическое значение // Вестник знания. 1912. № 12. С. 947-955.
- Бехтерев В.М.* Значение гормонизма и социального отбора в эволюции организмов // Природа. 1916. № 10. С. 1129-1158.
- Бехтерев В.М.* Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Вестник знания. 1918. Вып. 2 (отд. оттиск). С. 2-23.
- Вайц А.* Время собираться. Очерк принципов будущего общественного движения Русской Мечты // Газ. «Завтра». 2017. № 37, сентябрь.
- Воронин Б.А., Стожко К.П., Стожко Д.К.* Концепция «аграрного социализма» в России // Аграрный вестник Урала. 2017. № 6. С. 65-70.
- Галл Я.М.* Борьба за существование как фактор эволюции. Л.: «Наука», 1976. 156 с.
- Гриджин Ю.Б.* Этика человечности. М.: Изд-во политической литературы, 1991. 495 с.
- Грузман Г.* Сибирская сказка (Серия «Загубленные гении России») // Топос. 09/02/2006 (<http://www.topos.ru/article/4428>).
- Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. Спб., 1885. Т. 1, ч. 1,2; Спб., 1889. Т. 2 (репринтное издание: Н.Я. Данилевский. Дарвинизм. Критическое исследование: Том I. Часть 2. М.: «Книга по Требованию», 2011. 698 с.).
- Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор. М.-Л., 1927. Т. II, кн. 1.
- Демаков Ю.П.* Сухостой с живым комлем? // Научные труды государственного природного заповедника «Большая Кокшага». Вып. 2. Йошкар-Ола: Марийский государственный технический университет, 2007. 346 с.
- Докучаев В.В.* Сочинения. Т. VII. Популярные лекции 1880-1900. Лекция 4. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 274-277.
- Дольник В.Р.* Непослушное дитя биосферы: Беседы о человеке в компании птиц и зверей. М.: «Педагогика-Пресс», 1994. 208 с.
- Дубинин Н.П.* Предисловие // Матюшин Г.Н. У истоков человечества. М.: «Мысль», 1982. С. 3-7.
- Искандер Ф.А.* Кролики и удавы. М.: «Эксмо-Пресс», 2015. 288 с.
- Какү М.* Параллельные миры: Об устройстве мироздания, высших измерениях и будущем Космоса (пер. с англ.). М.: «София», 2008. 414 с.
- Калинин М.И.* Корневедение. М.: «Экология», 1991. 173 с.
- Катасонов В.Ю.* О проценте ссудном, подсудном, безрассудном. Хрестоматия современных проблем «денежной цивилизации». М.: НИИ школьных технологий, 2011. 304 с.
- Катасонов В.Ю.* Религия денег: Духовно-религиозные основы капитализма. М.: «Кислород», 2013. 408 с.

Катасонов В.Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия. «Бумажный рубль» С. Шарапова / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 656 с.

Кесслер К.Ф. О законе взаимопомощи // Тр. Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1880. Т. 11. № 1. С. 124-136.

Коловский Р.А. О механизме корневой конкуренции // Лесоведение. 1968. № 1. С. 37-42.

Колтунова А.И. О формировании горизонтальной структуры и срастании корневых систем в древостоях сосны // Эко-потенциал. 2013. № 3-4. С. 136-142. (<http://elar.usfeu.ru/handle/123456789/2732>).

Констэбл Дж. Неандертальцы. Пер. с англ. И. Гуровой. Ред. и предисл. Ю.Г. Рычкова. М.: «Мир», 1978. 159 с. (Возникновение человека).

Костерин О.Э. Дарвинизм как частный случай «бритвы Оккама» // Вестник ВОГиС. 2007. Том 11. № 2. С. 416-431.

Кравец В. Человечество – плод инопланетных генетиков? // SMI-Marketgid. 2008 (<http://smi.marketgid.com/news/1755>).

Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. 1907. СПб. 351 с.

Кропоткин П.А. Государство и его роль в истории. М.: Изд. Московской Федерации Анархистских групп, 1917. 63 с.

Кропоткин П.А. Современная наука и анархия / Перевод с фр. под ред. П.А. Кропоткина. Пг.-М., 1920. С. 316.

Кропоткин П.А. Справедливость и нравственность. Публ. лекция, прочитанная в Анкотском братстве и Лондонском этическом обществе. Пб.-М.: Изд-во Союза анархосиндикалистов «Голос труда», 1921.

Кропоткин П.А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пб.-М.: «Голос труда», 1922а. 342 с.

Кропоткин П.А. Этика. Происхождение и развитие нравственности. Пб.-М.: «Голос труда», 1922б. Т. 1.

Лебедев А.П. История Византии. М.: Изд. Совет РПЦ; Изд-во «Дарь», 2005. 784 с.

Макаренко А.А. О срастании корневых систем в сосновых насаждениях Казахского мелкосопочника // Агробиология. 1962. № 6. С. 939-941.

Медведев Ю. Академик Юрий Журавлёв о прорывах в математике, «пятнах» в биографии и Серебряном веке // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. № 5082, 13 января.

Мошков В.А. Новая теория происхождения человека и его вырождения, составленная по данным зоологии, геологии, археологии, антропологии, этнографии, истории и статистики. Т. 1. Происхождение человека. Варшава: Типография губернского правления. 1907. Т. 2. Механика вырождений. 1912 год — начало „железного века“. Варшава, 1910.

Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: «Ком-Книга», 2005. С. 68–75.

Новоженев Ю.И. Биологическая теория происхождения человека. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 1997. 148 с.

Новоженев Ю.И. Статус-секс и эволюция человека. Екатеринбург: «Банк культурной информации», 2007. 202 с.

Платонов О.А. Артель // Большая энциклопедия русского народа. «Русское хозяйство». М.: Институт русской цивилизации, 2006. 1136 с.

Поздняков А.А. Теоретико-биологические представления Н.Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. Российский палеоботанический журнал. 2016. Т. 12. С. 33–46.

Пфаненитиль И.А. Глобализация и Россия: угрозы и перспективы // Актуальные проблемы глобалистики и геополитики / Сб. научных тр. кафедры глобалистики и геополитики СФУ. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2012. С. 54-63.

Рябцев И. Падение Константинополя. Тревожные параллели // Газ. «Литературная Россия». 2017. № 30. 8-14 сентября. С. 1, 14.

Санников С.Н., Санникова Н.С. Лес как подземно-сомкнутая дендроценоэкосистема // Сибирский лесной журнал. 2014. № 1. С. 25-34.

Страхов Н.Н. Всегдашняя ошибка дарвинистов // Русский вестник. 1887. Ноябрь. С. 66–114.

Страхов Н.Н. Предисловие // Н.Я. Данилевский. Дарвинизм. Критическое исследование. Т. 2. СПб.: Государственная типография, 1889. С. 1–48.

Тейяр де Шарден П. Феномен человека: преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь. М.: «Наука», 1987. 240 с.

Тимирязев К.А. Опровергнут ли дарвинизм // Русская мысль. 1887. № 5. С. 145–180.

Тимирязев К.А. Бессильная злоба антидарвиниста // Русская мысль. 1889. № 5. С. 17–52; № 6. С. 65–82.

Титов Ю.В. Эффект группы у растений. Л.: «Наука», 1978. 151 с.

Усольцев В.А. Не повторит ли Россия судьбу цивилизации западных славян? // Эко-потенциал. 2014. № 4 (8). С. 90-97.

Фаминцын А.С. Н.Я. Данилевский и дарвинизм // Вестник Европы. 1889. Кн. 2. С. 616–643.

Чернов В.М. Пролетариат и трудовое крестьянство. М.: «Новое Товарищество», 1906. 95 с.

Штирнер Макс. Единственный и его собственность (в прил.: Дж.Г. Макай, «М. Ш., его жизнь и творчество»). СПб.: Библ. «Светоч», изд. С. Венгерова, 1907).

Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10. С. 193-213.

Юновидов А.П. Растущие сосновые пни // Лесное хозяйство и лесозащита. 1935. № 12. С. 24.

Adonsou K.E., Drobyshch I., DesRochers A., Tremblay F. Root connections affect radial growth of balsam poplar trees // Trees. 2016. Vol. 30. Issue 5. P.1775–1783.

Aerts R., Boot R.G.A., Van der Aart P.J.M. The relation between above- and below-ground biomass allocation patterns and competitive ability // Oecologia. 1991. Vol. 87. P. 551-559.

Baer K.E. Ueber Darwin's Lehre // K.E. Baer. Reden gehalten auf wissenschaftlichen Versammlungen und kleinere Aufsätze vermischten Inhalts. Band 2. Sankt-Petersburg: Schmitzdorff, 1876. S. 235–480.

Baldwin J.P. Competition for plant nutrients in soil: a theoretical approach // The Journal of Agricultural Science. 1976. Vol. 87. P. 341-356.

Callaway R.M., Walker L.R. Competition and facilitation: A synthetic approach to interactions in plant communities // Ecology. 1997. Vol. 78. No 7. P. 1958-1965.

Casper B.B., Jackson R.B. Plant competition underground // Annual Review of Ecology and Systematics. 1997. Vol. 28. No 1. P. 545-570.

Cuénot L. L'évolution des theories transformistes // Rev. gén. Sci. 1901. Vol. 12. P. 264-269.

Darwin Ch. On the origin of species by means of natural selection, or The preservation of favoured races in the struggle for life. The 1st ed. London: John Murray, 1859. 502 p.

Duncan R.P. Competition and the coexistence of species in a mixed podocarp stand // Journal of Ecology. 1991. Vol. 79. P. 1073–1084.

Eissenstat D.M., Yanai R.D. The ecology of root lifespan // *Advances in Ecological Research*. 1997. Vol. 27. P. 1-60.

Grubb P.J. Root competition in soils of different fertility: a paradox resolved? // *Phytocoenologia*. 1994. Vol. 24. P. 495-505.

Holmgren M., Scheffer M., Huston M.F. The interplay of facilitation and competition in plant communities // *Ecology*. 1997. Vol. 78. No 7. P. 1966-1975.

Kadmon R. Plant competition along soil moisture gradients: a field experiment with the desert annual *Stipa capensis* // *Journal of Ecology*. 1995. Vol. 83. P. 253-262.

Keeley J.E. Population variation in root grafting and a hypothesis // *Oikos*. 1988. Vol. 52. No 3. P. 364-366.

Malthus Th. An essay of the principle of population. London: J. Johnson, 1798.

Mivart S.G. On the genesis of species. London: Macmillan and Co. 1871. 358 p.

Peterson C.J., Squires E.R. Competition and succession in an aspen-whit-pine forest // *Journal of Ecology*. 1995. Vol. 83. P. 449-457.

Tarroux E., DesRochers A. Effect of natural root grafting on growth response of Jack pine (*Pinus banksiana*; Pinaceae) // *American Journal of Botany*. 2011. Vol. 98. No 6. P. 967-974.

Tarroux E., DesRochers A., Krause C. Effect of natural root grafting on growth response of jack pine (*Pinus banksiana*) after commercial thinning // *Forest Ecology and Management*. 2010. Vol. 260. Issue 4. P. 526-535.

The notebooks of Leonardo da Vinci. Compiled and edited from the original manuscripts by Jean Paul Richter. New York: Dover Publications, Inc. Vol. II. 1970. 501 p.

Waldrop M.M. Gocomplexity: The Emerging Science at the Edge of Order and Ghaos. New York: Simon and Schuster, 1993. 384 p.

Wheeler L. R. Harmony of nature: A study of cooperation for existence. New York: Longmans, 1947.

Wigand A. Der Darwinismus und der Naturforschung Newtons und Cuviers. 3 Bände. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich Vieweg und Sohn, 1874-1877.

Wilson B.J. Shoot competition and root competition // *Journal of Applied Ecology*. 1988. Vol. 25. P. 279-296.

Рецензент статьи: Колтунов Евгений Владимирович, доктор биологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН.